

О РАЗБОЙНИЧЕСТВЕ В СЕВЕРНЫХ УЕЗДАХ РОССИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII ВЕКА

Барсукова Анжелика Владимировна

Кандидат исторических наук, доцент, Университет
науки и технологий МИСИС (г. Москва)
vrubel14@yandex.ru

ABOUT ROBBERY IN THE NORTHERN COUNTIES OF RUSSIA IN THE FIRST HALF OF THE XVII CENTURY

A. Barsukova

Summary: The article is devoted to the issues of robbery in the northern counties of Russia in the first half of the XVII century. In the presented material, the social composition of robber groups is considered and their scale is shown. The document flow of local voivodes with a Robbery order to ensure the security of territories is described. The main objects for robber attacks are listed and the focus of their criminal activity on waterways is highlighted.

Keywords: national history, management system, social issues, document flow in the XVII century, territorial security, crime, robbery.

Аннотация: Статья посвящена вопросам разбойничества в северных уездах России в первой половине XVII века. В представленном материале рассмотрен социальный состав разбойничьих групп и показан их масштаб. Описана логика реализации делопроизводственного порядка взаимодействия местных воевод с Разбойным приказом для обеспечения безопасности территорий. Перечислены основные объекты для разбойничьих нападений и выделен фокус их преступной деятельности на водных магистралях.

Ключевые слова: отечественная история, система управления, социальная проблематика, делопроизводство в XVII столетии, безопасность территории, преступность, разбойничество.

Разбойничество в северных областях Европейской России в XVII веке было таким же распространённым явлением, как и во всех регионах России, но борьбой с ним правительство занималось гораздо больше и активней, чем в других регионах. Этому способствовали два обстоятельства. Во-первых, разбои создавали помехи для нормальной внешней торговли России с Западной Европой через Архангельск, а связь этого порта с центром страны осуществлялась посредством водной магистрали Сухона – Северная Двина. Во-вторых, разбои мешали внутренней торговле центра страны с Западной Сибирью, которая осуществлялась через северные реки и волоки. Из Сибири шла поставка основного её богатства – пушного товара, в основном соболиного меха.

Сложность изучения разбойничества на севере России заключается в том, что по этому региону почти не сохранилось источников, отражающих организацию и деятельность профессиональных разбойничьих сообществ (шаек, ватаг, артелей). В нашем распоряжении имеются документы, характеризующие формы и методы борьбы государственных и общественных органов с преступностью и указывающие на вид разбоев и на объекты разбойных нападений. Это, прежде всего, переписка воевод с центральными приказами по поводу разбойничьей опасности, а также явочные челобитья пострадавших от разбоев, памяти и запросы из московских приказов и царские грамоты воеводам.

Известно, что в этом регионе борьбой с преступностью занимались местные воеводы. При этом, в Белозерском и Вологодском уездах – губные избы и губные старосты, напрямую подчинявшие Разбойному приказу – центральному органу по борьбе с уголовной преступностью. Все свои действия по розыску и поимке преступников губные ведомства согласовывали с местными воеводами, которые оказывали им всемерную поддержку.

В первой половине XVII в. в северных городах для борьбы с разбойниками использовались силы местных гарнизонов, объединявшие уездных и посадских людей «с вогненным боем» под командованием воевод и стрелецких сотников. Проиллюстрируем примером из Тотьмы 1622 года. Тотемскому воеводе М. О. Зеленому было предписано из Устюжской четверти «прибрать» ещё 20 стрельцов из «охочих» вольных гулящих людей, а когда в округе разбойники «объявятца», которых «в сборе было до 70 человек, итти за теми разбойниками» [т.е. поймать или уничтожить – А.Б.]¹.

Это распоряжение пришло воеводе в ответ на его отписку в приказ о разгуле разбойничества в окрестностях города. Если исходить из численности каждой разбойничьей шайки до 15 человек, то вокруг Тотьмы в начале 20-х гг. XVII в. действовало до 5 шаек, грабивших и причиняющих лишения жителям города и округи. Так, в 1628 г. тотемский воевода Леонтий Стрешнев «поимал на Тоть-

1 РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Боярские и городовые книги. Устюг Великий. Кн. 117. Ч. II. Л. 349 об.

ме двух разбойников: Андрея Иванова сына Викторова и Ивана Иванова сына Пинежанина», которые в допросе и с пытки сказали, что они «розбивали в Тотемском уезде на Усть-Толшме крестьянина Матюшку Дудникова и мать его мучили и огнём жгли и брата его и жену мучили же и огнем жгли и животы их поимали, а было их 12 человек, а атаман был у них вологжанин Гришкой звали, а иные де у них ярыжные были схожие [т.е. беглые работные люди с водного транспорта – А.Б.], да с ними же был с Устюга Великого Захарка Савельев, волосом бел, молод, бороду сечет»².

После этой отписки тотемского воеводы в Устюжскую четверть, оттуда был направлен государев указ великоустюжскому воеводе Петру Волинскому и подьячему Василию Архипову – «велено им сыскивать тех разбойников на Устюге на посаде и в Устюжском уезде» и по приказу воеводы стрельцы сыскали в Устюжском уезде в Вотложемской волости некоего Захарку Савельева, но который с разбойником «приметами не сошелся, а с пытки тот Захарка на себя в том розбое и в иных розбоях не говорил, а иных разбойников не сыскали»³.

Из отписки тотемского воеводы видно, что разбойничья шайка, про которую рассказывали в допросе пойманные разбойники, формировалась из наемных работных людей, которых называли гулящими людьми. Они, в основном, были из крестьян и посадских людей, которые, покинув свои родные места, «избывали тягла» и «для прокормления» брались за любую тяжёлую работу. Среди них находились и отпущенные на волю своими хозяевами холопы и выкупленные из плена русские ратные люди и дети представителей духовенства: попов, дьячков и прочих церковнослужителей, но нетяглых людей среди этой прослойки было меньшинство. Как отметил И. В. Степанов, категория гулящих людей подразделялась на три группы: 1) юридически вольные люди, которые называли себя «государевыми вольными гулящими людьми»; 2) временно сошедшие из своих постоянных мест жительства в поисках заработка, но формально с ними связанные, обязанные нести государево тягло, службу, повинности хозяину; 3) различные беглые люди, скрывающие факт своего бегства и при его обнаружении возвращаемые в «крепости» – в тягло, на службу, к хозяину [5, С. 147].

Воровством и разбоями обычно занимались люди из третьей группы категории гулящих людей. Повсеместно разбойничество процветало на водных магистралях страны. На севере России, в восточном Поморье, начался водный маршрут в Сибирь по печорскому «чрезкаменному пути» по Северной Двине, Вычегде, Выме,

далее волоком добирались до Ижмы, по ней попадали в Печору и по её правым притокам выходили к верховьям Соби и Сосьвы, впадающим в Обь [1, С. 72 – 87].

Зимой тяжеловесные грузы гужевым транспортом шли в Сибирь по санному пути через Устюг Великий, Лальск, Кайгородок, Соль Камскую и Верхотурье. Гужевой транспорт также обслуживали наёмные извозчики-проводники, многие из которых летом работали ярыжными на водном транспорте, когда сухопутные дороги из-за сильной заболоченности были труднопроходимыми.

По данным П. А. Колесникова, тотемские таможенные книги 1626-1652 гг. за навигационный период ежегодно регистрировали от 7 до 16 тысяч работных людей, прибывающих для найма на водный транспорт [3, С. 54]. Они нанимались в качестве носников (лоцманов), кормщиков (рулевых), бурлаков, тянувших на бечевах судно против течения и отталкивающихся шестами от дна реки.

В Устюге Великом в июле-августе ежегодно появлялись большие группы «волских ярыжек». Это были жители Поморья, возвращавшиеся с Волги, где они находили временный заработок. Среди них были и посадские люди, но большинство таких «ярыжек» были из крестьян [4, С. 118].

В 1636 г. для борьбы с разбойниками число устюжских стрельцов по распоряжению из Москвы было увеличено с 50 до 100 человек.

В 1638 г. устюжские стрельцы во главе с сотником Осипом Давидовым поймали в уезде и привезли в съезжую избу разбойника атамана Богдашку Васильева с товарищами, где их допрашивали и пытали [2, С. 59].

Отметим, что увеличение числа ратных служилых людей-стрельцов во всех северных городах, в первую очередь, было вызвано необходимостью эффективно противодействовать активности разбойничьих шаек. Чуть ранее 20-х гг. XVII в. в северных регионах правительство шло для борьбы с разбойничеством и на экстренные меры. Так, в апреле 1617 г. сольвычегодскому воеводе для поимки разбойников в уезде по грамоте из Устюжской четверти предписывалось «брать с волостей даточных людей»⁴.

С пополнением государственной казны после Смутного времени правительство стало выделять денежные средства на жалованье вновь прибранным стрельцам.

2 РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1627 г. Ч. II. Л. 141.

3 РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1627 г. Ч. II. Л. 115.

4 РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Устюг Великий. Кн. 10. Л. 334.

Опасность разбойных нападений заставляла крестьян и промышленных людей северных уездов свозить свои запасы и «животы» под защиту городских стен, как это было в Сольвычегодске в 1638 г., когда в пожар 2 мая «у уездных промышленных людей погорели все запасы, которые они готовили на Печору для рыбной ловли, а иные крестьяне из Усольского уезда для воров и разбойников животы свои к Соли на посад к свойственным людям [т.е. к родственникам и друзьям – А.Б.] для обереженья к лету привозили»⁵.

Разбойники нападали не только на торговых и промышленных людей, но и на приказных и служилых людей. Так, в августе 1635 г. разбойники ограбили на р. Сухоне судно, идущее из Устюга Великого вверх рекою мимо Тотмы к Вологде у деревни Копыловой у «переворов» (порогов). Разбойники взяли государеву казну, а также меха и оружие служилых людей, на общую сумму более 583 р.

Служилых людей было 8 человек под командованием сына боярского Федора Пущина из Томского городка. Они возвращались в Москву из Сибири после свершения «посольских дел» [6, С.39].

Очевидно, разбойники напали на служилых людей, когда они переправляли своё судно (большую лодку или малый струг) мимо речных порогов волоком по берегу, неожиданно и большим числом – более 10 человек. Нападавшие ограничились грабежом, а служилых людей просто избили и оставили на берегу.

Постоянные разбои на водной магистрали Сухона – Западная Двина порой нейтрализовали судовое движение. Так, великоустюжский таможенный и кабацкий голова Василий Цыбин в 1630 г. отписывал в Устюжскую четверть, что «на Сухоне многих людей в августе месяце погромили разбойники и животы пограбили, а иных людей побили и посекали и дорогою с Вологды к Устюгу ни с каким товаром ни судами плыть к Устюгу не смеет никто»⁶.

Для борьбы с разбоями на этой водной магистрали по челобитью от 1650 года «гостей, торговых людей гостинной сотни и торговых людей разных городов и иноземцев, которые ездят к Архангельскому городу для промыслу» в Устюжскую четверть пришел царский указ – «для сыску разбойников на Сухону реку послать сыщика, а для поимки тех разбойников с тем сыщиком

послать с Устюга Великого 50 человек стрельцов в 159 (1651) году»⁷.

Сыщики из Москвы в северные города и посады направлялись с 20-х гг. XVII в.

В начале 1651 г. чарондский воевода Федор Харламов, сменивший старого воеводу Самсона Огibalова, писал в Устюжскую четверть и в Разбойный приказ, что «10 августа 1650 года приходили на Чаронду разбойники и воеводу Самсона Огibalова и подъячих и посадских людей розбили и животы и платье и деньги все без остатку розбоем поимали и подъячего Ивашку Сергеева огнем жгли и мучили и иных многих посадских людей огнем жгли же и мучили и ис пищалей и ис луков до смерти перестреляли»⁸.

В ответ на это сообщение чарондского воеводы Разбойный приказ направил из Вологды в Чаронду сыщиков «татинных, разбойных и убивственных дел» князя Петра Ухтомского и подъячих Василья Шпилькина, которые приезжали туда в марте 1651 года⁹.

Как видим, разбойники, пользуясь отсутствием служилых ратных людей у чарондского воеводы, напали на посад, «розбили» и ограбили приказных людей съезжей избы и немногочисленных жителей посада.

Разбойники, промышлявшие в северных уездах, нападали не только на приказных, служилых и торговых людей, но и на богомольцев. Так, тотемский воевода, ссылаясь на явочную челобитную пострадавших от разбоя, отписывал в Устюжскую четверть в 1651 г., что «люди боярина Морозова и гостинной и суконной сотни ходили к Соловецкому монастырю помолитца по обещаю и их в Тотемском уезде в Березовской слободе ограбили разбойники, взяли ружья, ружья и деньги, а одного человека ссекли насмерть»¹⁰.

Кроме местных приказных и служилых людей и присланных из центральных приказов специальных сыщиков и подъячих с ратными людьми в борьбе с преступностью участвовало и местное земство в лице выборных сотских, пятидесятских и десятских, которые при необходимости спешно мобилизовали население своих округов.

Это хорошо прослеживается именно в северном регионе страны, где сохранялся дух общинных традиций.

5 РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. 1638 г. № 10. Л. 291.

6 РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1631 г. № 57. Часть I. Л. 24.

7 РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. 1650 г. № 28. Часть II. Л. 246.

8 РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. 1650 г. № 28. Часть I. Л. 115 – 116.

9 РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. 1650 г. № 28. Часть I. Л. 117.

10 РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. 1650 г. № 28. Л. 257.

Исходя из этих фактов, можно заключить, что воеводы северных городов в меру своих сил вели возложенную на них работу по розыску и поимке преступников.

Таким образом, изучение фактов разбойничества на севере Европейской России в первой половине XVII в. позволяет заключить, что:

1. разбойничьи шайки формировались, как и везде из гулящих работных людей. Они, до 10-15 человек в каждой шайке, во главе со своими атаманами, совершали нападения на суда торговых и других людей, когда они причаливали на ночлег к берегу, били их и даже убивали и, забрав их имущество и товар, быстро удалялись; возможно, что некоторые шайки состояли из профессиональных разбойников – «лихих людей», которые постоянно занимались таким преступным промыслом, но использованные нами источники об этом прямо не сообщают;
2. разбоям подвергались не только частные лица и жители поселений в своих домах, но и государственные учреждения, где находились приказные люди, а также лица, везущие государеву денежную казну и царские грузы;
3. борьбой с разбойниками занимались воеводы с ратными силами своих гарнизонов, местное земство с выборными должностными лицами и специальные сыщики и подьячие, присылаемые на места из московских приказов;
4. такая всемерная борьба с уголовной преступностью, конечно, приносила свои плоды – разбойников преследовали, обличали, сажали в тюрьму и наказывали, но все это не вело к полному искоренению этого опасного явления в силу несовершенного устройства общества с его сословным и социальным неравенством, тяжестью государственного налогового бремени для простого народа, негибкостью управленческих структур.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахрушин С.В. Научные труды. Т. III. Ч. 1. 375 с.
2. Булгаков М.Б. Стрельцы Устюга Великого в первой половине XVII века // Единорог. Материалы по военной истории Восточной Европы. – Вып. 2. – М. – 2011. – С. 53 – 61.
3. Колесников П.А. Северная деревня в XV – первой половине XIX в. – Вологда. – 1976. – 415 с.
4. Мерзон А.Ц., Тихонов Ю.А. Рынок Устюга Великого в период складывания всероссийского рынка (XVII век). – М. – 1960. – 715 с.
5. Степанов И.В. Гулящие – работные люди в Поволжье в XVII веке // ИЗ. – Т. 36. – С. 142 – 164.
6. Суворов Н.И. Разбойники на р. Сухоне в 1635 г.// Вологодские губернские ведомости. Часть неофициальная. – 1859 г. – № 12. – С. 39.

© Барсукова Анжелика Владимировна (vrubel14@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»